

МАРИЯ ЛАЗАР

**ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА *ДЕ(И)*
И ДРУГИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

История эвиденциальных частиц и развитие у них модальных значений является итогом их грамматического и синтаксического переосмысления. Как представляется, немаловажную роль в бытовании этих частиц в языке играет их связь с определёнными *речевыми жанрами* и *жанрами текста*, а также их участие в организации текста, точнее — в определении *точки зрения* актантов и автора текста на описываемые события, и кроме того, их *соотношения* друг с другом [Collins 2001: 1, 4]. Для изучения этих двух положений мной была выбрана частица *де(и)*, наиболее последовательно отражённая в источниках начиная с др.-р. периода.

Для русского некнижного языка XV—XVII, а отчасти и XVIII в. *де(и)/дѣ(и)/де(и)/дѣ(и)/дее/дѣе* является основной эвиденциальной частицей, получившей распространение во всех жанрах московской и следовавшей этой традиции деловой письменности. Так, новгородские тексты берестяных грамот, а также грамоты Севера и Запада Руси, написанные до XV в., в которых отражены дипломатические, юридические и торговые отношения, не содержат этой частицы. Лишь с середины XV в., когда центр древнерусской письменности перемещается в Москву, начинается активное использование *де(и)* в деловых текстах. Следует отметить, что до XVII в. эта эвиденциальная частица практически не знает конкурентов.

В настоящей статье делается попытка объяснить возникновение частицы *де(и)* в др.-р. языке, выяснить её семантику и описать употребление, что до сих пор было сделано лишь фрагментарно [Зализняк 2008: 43—44]. Особое внимание будет уделено неэвиденциальным функциям частицы *де(и)*, которые ранее не были изучены. Также будут рассмотрены и другие эвиденциальные частицы, которые в отдельных случаях составляли конкуренцию частице *де(и)* и употреблялись в несколько иных прагматических условиях, чем *де(и)*. Кроме того, будут описаны некоторые региональные различия в употреблении частиц, возникшие отчасти в результате формирования русского, украинского и белорусского языков. Наконец, будет сделана попытка оценить современное состояние системы русских эвиденциальных частиц с учётом изложенных фактов истории русского языка.

1. Этимология

Частица *de(u)* представлена в славянских текстах либо в форме *dei/děi/deu/děu/deel/děe*, либо *de/dě*, которая является стяжённой формой от *dei/děi/deu/děu/deel/děe* ([дѣи] > [дѣ́] > [де]). Частица восходит к глаголу *дѣяти*, который, в свою очередь, соотносят с двумя и.-е. корнями:

- 1) **d^heh₁-o* со значением ‘делать, действовать, помещать’, имеющее продолжения в большинстве индоевропейских языков [Rix 2001: 136—137];
- 2) **deh₁-* со значением ‘говорить’, которое специфично для хеттского и славянских языков [Иванов 1981: 109]¹.

В русском языке эти корни, являясь омонимичными, совпали в одной лексеме. Интересно отметить, что, в частности, Г. Рикс [2001: 136—137] реконструирует для первого корня оба названных значения. Однако В. В. Иванов [1981: 110] убедительно доказывает правомерность своей реконструкции, приводя в качестве аргумента оппозицию супплетивных основ 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в хет. *temi : teh₁hi* (‘торжественно заявлять, говорить, вещать’) и в др.-чешск. *díem : děju* (‘говорить, провозглашать’). Ещё одним аргументом в пользу реконструкции двух разных корней является различие акцентных парадигм, установленное В. А. Дыбо [1982: 59]: *дѣяти* в значении ‘говорить’ имеет атематическую парадигму с накоренным ударением, тогда как в значении ‘класть, делать’ глагол имеет акцентную парадигму с тематических глаголов. Однако соотнесение значения частицы *de(u)* с одним из названных и.-е. корней затруднено, так как дошедшие до нас тексты в большинстве своём отражают лишь сильно грамматикализованные реликты глагольной парадигмы без промежуточных ступеней.

По той же причине затруднено и выявление исходной глагольной формы, от которой образовалась частица *de(u)*. Е. С. Отин [1981: 163—167] рассматривает три гипотезы возникновения *de(u)*, исходящие из грамматикализации одной из следующих глагольных форм:

- 1) 3 л. ед. ч. наст. вр. *дѣть* (эту гипотезу поддерживают А. И. Соболевский, Л. А. Булаховский, М. Фасмер и сам Е. С. Отин);
- 2) 2 л. ед. ч. повелительного наклонения *дѣи* (за это объяснение выступают А. А. Шахматов, А. И. Молотков и Л. Л. Гумецкая);
- 3) 2 л. ед. ч. наст. вр. *дѣеши* (сторонниками этой гипотезы, основанной на теории о вводных словах как редуцированных по смыслу вводных предложениях, являются А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. М. Пешковский и Ф. И. Буслаев).

Наиболее приемлемо предположение о контракции *дѣть* или *дѣеши* в значении ‘говорит’ или ‘говоришь’, поскольку такие сценарии образования эвиденциальных частиц подтверждены типологически, ср. [Aikhenvald 2006: 271—274]. Вторая гипотеза проблематична именно из-за предполо-

¹ В пользу этой реконструкции В. В. Иванов [Там же] приводит также данные ностратического сравнения. Ср. сходную точку зрения у А. Е. Аникина [1998: 190].

жения об императиве как о способе введения прямой речи (ср. критику у Е. С. Отина [1981: 165]).

2. Старославянская и древнерусская частица *de(u)*

Между употреблением *de(u)* в старославянских памятниках, относящихся к XI в., и самыми ранними примерами из др.-р. языка, которые датированы XV в., лежат четыре столетия. На протяжении этого времени ни в берестяных грамотах, ни в восточнославянской деловой письменности не зафиксировано ни одного случая употребления *de(u)*. Лишь тексты на ц.-сл. языке русского извода отражают эту частицу — см. примеры в [Зализняк 2008: 48; Срезневский 1893: 802—803], причём у последнего практически все примеры почерпнуты из источников XIV в. и более позднего времени. Начиная с середины XV в. употребление *de(u)* в деловой письменности становится массовым².

Интересно, что в восточнославянской деловой письменности зафиксирована именно форма *de(u)*, без каких-либо промежуточных стадий, наличие которых было бы ожидаемо, если бы эта форма была произведена непосредственно от глагола *дѣяти* в восточнославянских языках. В то же время ст.-сл. и ц.-сл. язык демонстрирует эти промежуточные ступени: в работе [Цейтлин и др. 1999: 205] отмечены две формы — *дѣеши* и её стяжение *дѣи*, что само по себе не является чем-то необычным в древних письменных культурах; И. И. Срезневский [1893: 803] указывает также на существование *дѣета* и *дѣель*.

По всей видимости, в ст.-сл. и в др.-р. языке мы имеем дело с двумя разными частицами, которые различались прежде всего в функциональном плане. Согласно [Večerka et col. 1996: 43; 47; 52—53], частица *дѣеши/дѣи* в ст.-сл. языке, как и в ц.-сл., функционировала в качестве *отрицательно-вопросительной* частицы в общих вопросах (ср. у И. И. Срезневского [1893: 803] перевод «ужели», «разве», «ли»), соответствовавших в славянских переводах др.-гр. μή, например:

- (1) **ДѢИ** ли о ратъницѣхъ кдинѣхъ рече *Супр* 438, 23 [Цейтлин и др. 1999: 205]
Не говорит ли он только о воинах?
- (2) **ДѢЪШИ** рече отъче повели да въстанетъ лазарь *Супр* 309. 18—19 [Večerka et col. 1996: 52]
μή ἰκέτευσεν ἵνα ἀναστῆ ὁ Λάζαρος;
Не говорил ли он: «Отче, повели, чтобы Лазарь встал из мёртвых»
- (3) **Рече** къ людьмъ рѣпъштѣмъ о безводни: **ДѢЕ** ли отъ сего камене изведоу вы водоу *Изб. 1073 г., 148* [Срезневский 1893: 803]
И сказал людям, недовольным засухой: «Неужели не смогу извлечь воду из этого камня?»

² Ниже оговариваются некоторые исключения.

Частицу *de(u)* в данном случае можно интерпретировать как реликт глагола со значением «говорить», который, видимо, использовался для формулировки таких общих вопросов по модели «не говоришь/говорит ли: X?». Что касается просодических характеристик, то *de(u)* является в примерах (1)—(3) самостоятельной просодической единицей.

С другой стороны, в деловой др.-р. язык, использовавшийся в юридических, коммерческих и в любых типах частных текстов, частица *de(u)* вошла как *эвиденциальная*. С помощью этой частицы можно было выделить чужую речь и противопоставить её авторскому тексту, поэтому примечательно, что частица *de(u)* использовалась именно в таких деловых жанрах, в которых регулярно происходила передача чужой речи в письменной форме: судные грамоты, расспросные речи, дела, грамоты/грамотки, челобитные и некоторые другие. Далее я буду называть её *de(u)₁*, ср.:

- (4) [...] а про Дивея молвил: «Велел, деи, был царь тебе о Дивееве писати; а ныне Дивеи царю не нужен: у Дивея, деи, три сыны и меньшой Дивея лутчи — вот, деи, послы их знают». 1576, *Первое письмо опричного думного дворянина Василия Григорьевича Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена* [Обнорский, Бархударов 1952/1: 255 (№ 59/II)].

De(u)₁ как эвиденциальная частица занимает позицию *клитики по закону Вакернагеля*, т. е. вторую позицию после смыслового слова, и по меньшей мере до конца XVI в. относится к глаголу-предикату, чем и объясняется её повторение при каждом из них. Такая регулярность обусловила тенденцию к грамматикализации этой конструкции в XV—XVI вв., однако в более поздних текстах функция *de(u)₁* подверглась реанализу, о чём будет сказано ниже. Это подтверждает высказанное Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 114—115] соображение о том, что эвиденциальность в др.-р., как и в современном русском языке, выражалась при помощи лексических, а не морфологических средств.

Нельзя не отметить ещё одно значение *de(u)*, зафиксированное мной в литературных текстах, написанных на др.-р. языке, а также в фольклорных текстах и в некоторых русских и белорусских говорах. Оно трудно уловимо, о чём свидетельствуют многочисленные интерпретации, на которых я остановлюсь ниже. Рискну назвать эту функцию *тема-рематической* и в дальнейшем буду обозначать её *de(u)₂*, ср. примеры (5) и (6) с предыдущим примером:

- (5) Писал еси, государь, ко мне холопу своему, кое было мне бес пуга среди крымских улусов не заезжати, а заехано — ино было не по обездному спати; да яз же, деи, чаял, что в объезде с собаками гоняти за зайцы, ажно меня самово в торока как зайца ввязали; да та-кожь, деи, яз чаял каково за кушеньем стоячи у тебя, государя, шутити; да яз же, деи, говорил, кое, деи, пора моя³. 1576, *Первое пись-*

³ Данный текст содержит стилизованную преамбулу, в которой частица употребляется в значении *de(u)₂*. Ср. пример (4) из этого же письма, где частица ис-

мо опричного думного дворянина Василия Григорьевича Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена [Обнорский, Бархударов 1952/1: 253 (№ 59/II)].

- (6) рѣ бо дѣи Игорьъ: поманухъ азъ грѣхы своа прѣ ^дГ ^сдмь Бмъ монмъ. [1185], *Ипатьевская летопись*, 224 об. [Зализняк 2008: 43].

В отличие от примера (4), частица $de(u)_2$ не отделяет прямую речь от слов автора, но используется именно в авторской речи. Как и $de(u)_1$, $de(u)_2$ является клитикой. Она следует закону *последовательности клитик в клитических группах*: согласно А. А. Зализняку [2008: 43—44], частица $de(u)_2$ относится к 5 или 6 рангу клитик, т. е. может стоять после условной частицы *бы* и клитическим местоимением *са*. В примере (5) частица $de(u)_2$ стоит после частицы 1 ранга *же*, в примере (6) — после частицы 3 ранга *бо*, что говорит о неукоснительном соблюдении последовательности клитик в клитических группах.

Как уже было отмечено выше, эта функция $de(u)$ в разных источниках интерпретируется по-разному. Н. Д. Арутюнова [Арутюнова и др. 1992: 51] называет её «нарративной» и приводит примеры из былин, где представлено употребление, сопоставимое с примерами (5) и (6):

- (7) Да клюша у калики свинцовая,
Да идѣт-де старик, подпирается,
Да пришѣл-де старик-от во Царьгород
Да зашѣл на кружало государево
(*Онежская былина*, цит. по: [Арутюнова и др. 1992: 51]).

Н. Д. Арутюнова [Там же] высказывает мысль о том, что автор фольклорных текстов таким образом «даёт понять, что не им, мол, придумано сказание». Похожий контекст и также из севернорусской быliny приведен в [СРНГ 1972/7: 312], однако там пример снабжён пометой «частица с неопределённым значением». Там же и с той же пометой приведен пример из народной песни из смоленского района:

- (8) Красота моя девичья,
Кабы де мне тебя спокинуть.
[СРНГ 1972/7: 312]

Пример (8), если верить интерпретации Н. Д. Арутюновой, представляет собой тот же случай, что и пример (7), т. е. исполнитель песни даёт понять через употребление частицы $de(u)_2$, что он не тождествен с её автором. Возможно, в примерах (5)—(8) $de(u)_2$ используется как приём литературной стилизации.

пользуется в характерном для деловой письменности значении $de(u)_1$. Здесь и далее знаки препинания при $de(u)$ будут расставлены в соответствии с изданием, хотя, по справедливому замечанию А. А. Зализняка [2008: 45], их расстановка может быть продиктована современным восприятием частиц и отклоняться «от [...] истинного членения [фразы] — как фонетического, так и синтаксического».

В [СРГК] приводятся примеры из Вологодской области, в которых de названа «усилительной частицей»:

(9) Однажды до того дошло де, что Саша приехал поговорить [СРГК: 436].

То же значение явно находим и в следующем примере из Карелии, где частица di охарактеризована как «присоединительная»:

(10) Муку не покупав ди, ситня пекли [СРГК: 458].

Как «соединительное слово» характеризует частицу de/dze в говорах юго-западной Белоруссии [СБГ 1980: 39]:

(11) Каму ў лес дзе ехаць, даюць каня. *Дакудава Лід.*⁴

На мой взгляд, употребление частицы $de(u)_2$ в примерах (5)—(11) обусловлено тем, что автор сообщения фокусирует внимание реципиента на новой, неизвестной информации, отделяя её от уже известной, и сегментирует таким образом своё высказывание, т. е. в основе использования $de(u)_2$ лежит тема-рематический принцип. Этим объясняется и произвольная постановка частицы в примерах (9)—(11), взятых из устных интервью, причём для адекватной интерпретации этих примеров необходим более широкий контекст. Собственно говоря, здесь отражена нарративная функция — правда, понимаемая в более буквальном смысле, чем в приведённой выше версии Н. Д. Арутюновой и её соавторов. Представляется, что огромную роль здесь играет просодия и ритмизация речи, а также фактор интеракции актантов, однако этот вопрос требует более детального изучения.

Подведём некоторые итоги. Частица $de(u)$ имела различную функцию и просодические характеристики в ст.-сл. и др.-р. языке, что говорит против отождествления ст.-сл. и др.-р. $de(u)$. В ст.-сл. языке частица являлась ритмически самостоятельной единицей и имела отрицательно-вопросительную функцию. В др.-р. языке различались как минимум две наиболее часто встречающиеся функции клитики $de(u)$:

- 1) эвиденциальная ($de(u)_1$), которая использовалась для маркирования чужой речи по отношению к авторской;
- 2) тема-рематическая/нарративная ($de(u)_2$), которая использовалась в авторской речи, возможно, для стилизации в литературных текстах либо для тема-рематического сегментирования.

Частицу $de(u)_2$ отражают фольклорные тексты и диалекты из разных областей. В дальнейшем я остановлюсь подробнее на эвиденциальной частице $de(u)_1$. *NB*: Ещё одно значение $de(u)$ зафиксировано в приграничных говорах юго-восточной Беларуси: в них $de(u)$ интерпретируется в качестве союза (= «и»), ср.:

(12) Глухая стяна, де акон нет. *М.*⁵ [Манаенкова 1989: 51].

⁴ Дер. Дакудава Лидского района.

⁵ С. Марьино Добрушинского района.

3. Дистрибуция и семантико-прагматические особенности употребления частицы *de(u)*₁

Развитие эвиденциальных частиц тесно связано с развитием гипотаксиса в восточнославянском предложении. Если обратиться к условиям употребления частиц в др.-гр., то, согласно Деннистону [Denniston 1971: xliii], основной их функцией являлось связывание простых предложений в рамках бессоюзного сложного. В др.-р. языке ситуация была похожей: тексты содержат большое количество бессоюзных сложных предложений, которые связывались при помощи частиц. Как уже упоминалось, частица *de(u)*₁ использовалась лишь при условии, что предложение содержало по меньшей мере два высказывания, чтобы отделить авторскую речь от чужой в рамках одного предложения. Таким образом, здесь наблюдается органическая предиспозиция для формирования гипотактических конструкций, которые я рассмотрю ниже.

Для введения чужого высказывания на восточнославянской территории использовался союз *что*, который происходит от анафорического местоимения⁶. С ним можно было образовать две синтаксические конструкции:

- в абсолютном начале предложения для референции к объекту предшествующего высказывания;
- для введения придаточного предложения, в рамках которого цитировалось целое высказывание (в этом случае возможен был и союз *как*, однако чаще всего в «простой мове», канцелярском языке Княжества Литовского)⁷.

Последняя конструкция является особенно интересной для дальнейших рассуждений. Есть все основания предполагать, что союз *что* не утратил анафорической семантики, поэтому являлся первым ударным словом в придаточном предложении, после которого выстраивались все клитики. В XV в. возможными комбинациями были:

- 1) *что же* (для цитирования в «простой мове» — см. пример (13));
 - 2) *что де* (для цитирования в языке Московской Руси — см. пример (14)).
- (13) Жаловалсѧ нам мѣстич полоцкии слуга ѿсп(о)д(а)рѧ великоз(о) короля | на имя Пронко ТѸпичинич, што же был оу него его торговчик и съ его пенязми ежди|вал торговывал, на имя Тараско.

⁶ Т. Дайбер [Daiber 2009: 368] указывает на этот союз как на превалирующий в деловой письменности, тогда как исследованный им *jako recitativum* использовался в ст.-сл./ц.-сл. письменности. Целиком и полностью соглашаясь с этим наблюдением, хочется возразить, что, по всей видимости, мы имеем дело не с процессом замещения *jako recitativum* на *что* в деловых текстах, как пишет Дайбер, но с изначально комплементарной дистрибуцией этих конструкций в книжном и деловом языке (ср. [Perelmutter 2009: 126]).

⁷ Ср. у Р. Вечерки т. н. релятиваторы на *к*- и *j*-основе [Večerka et col. 2002: 178—181].

Н(ы)нѣ пак там к Ризѣ избегль, а там ѡсель, а пенязи | Пронковы оу нѣго вси. *Около 1449—1451, Грамота воеводы полоцкого Андрея Саковича рижскому городскому совету с просьбой выслать в Полоцк Тараску, беглого приказчика полоцкого местича Пронка Тупичинича, а также товар и деньги последнего* [Хорошкевич 1977—1981: 182 (№ 91)].

- (14) Биль ми челомъ Покрова Пречистые съ Чюхломы игумень Алексѣй съ братею о томъ, что де ихъ варница монастырская у Соли у Галицкія, а варить де та ихъ варница безъ череду и безъ стоялицъ черезъ весь годъ, какъ въ моихъ Великаго Князя варницахъ варять; и ты де у нихъ грамоту отца моего Великаго Князя да и мою рушишь, воду де у ихъ варницы отъймаешь. *07.1484, Грамота Великаго Князя Иоанна Иоанновича Козме Клементьеву, о ненарушении жалованных грамот на соляную варницу, данных Чухломскому Покровскому монастырю* [АИ 1841/І: 139 (№ 93)].

Как показывают примеры, у восточных славян существовало две конструирующие формы для введения цитации — *что же* и *что де*, которые спорадически использовались также за границами регионов, в которых они являлись наиболее частотными. Обратимся к примеру (14), который демонстрирует прототипическое использование цитативной частицы *de(u)*₁ в письменности Московской Руси. После *verbum dicendi* в первом («главном») предложении (*биль челомъ* — ‘обращаться с жалобой’) второе предложение начинается с комбинации союзного слова *что* и частицы *де* в Вакернагелевой позиции, и при всех последующих предикатах находится частица *де*, которая маркирует все чужие высказывания, перенесённые из дейктической в анафорическую перспективу. Приведённый пример является образцовым с точки зрения обязательности использования *de(u)*₁. В нём различаются собственные и чужие высказывания, и это различие передаётся при помощи соответственно не-использования или использования эвиденциальной частицы, ср. в примере (14):

[*чужое высказывание*] а варить де та ихъ варница безъ череду и безъ стоялицъ черезъ весь годъ,

[*высказывание автора*] какъ въ моихъ Великаго Князя варницахъ варять.

Ср. ещё более наглядный пример, без союзного слова *что*, которое в сочетании с *de(u)*₁, а также при наличии катафорических маркеров (в данном случае — «так»), могло опускаться:

- (15) [...] и царь выслал Зелдала-агу с саблею да с чернилы и з бумагою да говорил тогды так: «Пиши, деи, о Дивее, царь велел тебе говорить: Толко, деи, не станешь писать, и тебе, деи, уже же быти кажнелу; то, деи, уж ты меж нас ссору чинишь; а толко, деи, напишешь, а брат, деи, нашъ, а вашъ государь, так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет — ино, деи, меж нас и доброе дело сста-

нетца». И яз, холоп твои, о том и плакал и бил челом и под саблю ложился, а говорил: «Коли царю надобен Дивеи и царь о нем о чем сам не пишет? А мне как холопу писати ко государю о таком о великом деле: яз волоса Дивеева не стоен». 1576, *Первое письмо опричного думного дворянина Василия Григорьевича Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена* [Обнорский, Бархударов 1952/1: 255—256 (№ 59/II)].

Повествование ведётся от лица Василия Григорьевича Грязного-Ильина, который сначала цитирует Зелдала-агу, выделяя его высказывания при помощи частицы *де(u)*₁. При автоцитировании, как и в примере (14), эвиденциальная частица не употребляется. Однако если в примере (14) налицо косвенная речь, то в примере (15), когда автор цитирует и Зелдала-агу, и собственные высказывания, используется прямая речь. Др.-р./ст.-р. язык явно отражает колебания в передаче чужого высказывания в качестве прямой или косвенной речи, а иногда и смешанных форм⁸ — для употребления или не-употребления *де(u)*₁ это иррелевантно. Найденные мной примеры не отражают каких-либо различий в употреблении цитативной частицы в сравнении с контекстами, подобными примерам (14) и (15), ср.:

- (16) а за прошлые годы ѿ рекрутахъ што пермское | наместническое правление намъ ни тово | ни другога даже по сю пору зделать не можетъ | Евгениі Петровичъ обещалъ решить при себе, | ибо оны в перми до выездѣ в петербургъ пробыть | хотелъ до марта мѣа то как де вы то есть | мы нижайшія нынешнимъ новымъ господамъ | губернатору и вицегубернатору незнакомы изволил | приказать из насъ нижайшихъ обоихъ которому | либо ѿдному ѿбще с нижнетагилским и ревиндѣ|скимъ прикащиками в генваре или в феврале | мѣахъ то есть до выездѣ ево Евгения Петро|вича в петербургъ непременно побывать в пермь | так де я васъ с ними господами познакомлю | и попрошѣ ѿ неоставленіи: а иван де михайловичъ ево своякъ господинъ губернской прокуроръ. 01.01.1783, *От приказчиков Никифора Блинова, Ивана Серебрякова и Якова Аврамова Никите Никитичу Демидову* [Глинкина 2000: 22 (№ 1)].

Интересно метатекстовое пояснение (*то есть мы нижайшія*) в первом случае (в целом они довольно редки — ср. в примере (15) *а брат, деи, нашъ, а вашь государь*), когда нельзя определённо сказать, передана ли в предложении прямая или косвенная речь. В примере (16) во втором употреблении *де(u)*₁ можно наблюдать прямую речь (*так де я васъ с ними господами познакомлю* | *и попрошѣ ѿ неоставленіи*), тогда как в последнем

⁸ Ту же особенность отмечают Т. Дайбер [Daiber 2009: 367] и Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 111] для т. н. *jako recitativum*.

представлена косвенная речь (*а иван де михайлович ево своякъ господинъ губернской прокуроръ*). Всюду частица *де(u)*₁ стоит в позиции Вакернагеля.

Подобные условия употребления частицы *де(u)*₁ сохранились приблизительно до середины XVI в., когда коллокация *что* и *де(u)*₁ приобретает архаичный характер. При этом частица *де(u)*₁ перестаёт употребляться при каждом предикате, а вводится лишь в начале ренарратива или, как в примере (16), при смене фокуса с дейксиса на анафорику, ср.:

- (17) А на допросе он Петръ скасал июня въ А де де⁹ | на Масквѣ рекѣ против Крымского броду | он Петръ был а маскатиного рядѣ | торговаго члвка Матвѣя Григорева | из лотки он в воду не вываливал и ножем | рѣзать не похвалялся и бит ево не бра|сался и псомъ ево не называл тѣмъ | он Матвѣи поклепал ево Петра напрасно. 02.06.1686, *Челобитье торгового человека М. Григорьева* [Котков 1974: 351—352].

В некоторых текстах фиксируется также плеонастическое употребление *де(u)*₁ при одном предикате, что свидетельствует об утрате восприятия частицы как части глагольной формы:

- (18) [...] в ннешнем де | в РПД м году как быть на Москвѣ | пожар в Бѣлом городе и в то де число | говорила такие похвалныя слова | та де Мавра Кирилова всю де вашѣ | слободу головней покочю. 24.04.1676, *Извет стрелецких жён* [Котков 1974: 339].

По всей видимости, к концу XVII в. утвердилась комплементарная дистрибуция *что* и *де(u)*₁ при введении чужого высказывания, что говорит об изменении функции *де(u)*₁, ср.:

- (19) И того ж числа Кирюшкину шапку отць ево | Кирюшкин безмесонои поп Никита Яков|лев на съзжеи двор принес а скасаль | что та шапка сна ево Кирюшки и взял | он еѣ на Красной площади | та шапка | сукна красного овчинной испод отдана | сну ево попову Кирюшке Никитину. 30.04.1686, *Распросные речи пушкаря М. А. Галкина и тяглеца К. Попова* [Котков 1974: 346].

Итак, в XVII в. утвердилась необязательность использования частицы *де(u)*₁ для указания на чужое высказывание. В результате правила её использования изменялись, часто индивидуально. Многие документы конца XVII—XVIII в. отражают явное незнание их авторами функционирования *де(u)*₁. На один из самых ярких примеров, «Летописное сказание Петра Зо-

⁹ В этом примере первое *де* является сокращением от слова «день», второе — эвиденциальной частицей. Примечательна здесь также позиция *де(u)*₁, нарушающая закон Вакернагеля, согласно которому частица должна употребляться после слова «июня»; судя по положению над строкой, она была добавлена при редакции текста.

лотарева»¹⁰ (кон. XVII в.), обращает внимание Т. Дайбер [Daiber 2010: 85]. По его словам, в нём «московские переписчики почти везде неверно понимали частицу *де* и часто заменяли её на отрицательную частицу *нет*»¹¹, ср.:

(20) И после того вскоре приступилися они воры к протопопу и ко священником, и стали толкать их и бранить скаредною бранью, и говорили они воры: «Снимайте де с митрополита сан, он де митрополит снимал же с Никона патриарха сан». *Музейный список* [Буганов 1968: 225].

(20а) И по том вскоре приступиша они воры к протопопу и к священником, и начаша их толкать и бранить скаредною бранью, глаголюще: «Снимайте нет с митрополита сан, он бо митрополит снимал же с патриарха Никона сан». *Уваровский список* [Буганов 1968: 225].

Колебания в употреблении *de(u)*₁ отражают и более ранние источники, особенно периферийные, в данном случае псковские¹², в которых нередко происходило смешение частицы *бы*¹³ с частицей *de(u)*₁ в тех сложных случаях, когда было необходимо выразить вежливое директивное высказывание:

(21) і вы тот товар | г̃дра ншего его ц̃ръского величества торговому члвку, ондр̃ю василеву ѿдали де | сполна и ѿпустили бы его к нам во псковѣ без сацепки а не ѿдадите тово товарѣ г̃дрка нашего торговому члвку ондр̃ю и то добром что мы тако ж вовелим (Sic!) | ѣ ваших ѣ торговых людеи против того товару всъяти і вдвое

¹⁰ У Т. Дайбера [Там же] неверно: Пётр Золотаревский.

¹¹ «[...] die (Moskauer?) Abschreiber im 18. Jh. die Partikel *de* fast überall missverstanden und oft durch die Negationspartikel *нет* ersetzt» (Перевод мой. — М. Л.) Следует отметить, что это явление распространено в Уваровском и Академическом списках, но в Музейном списке, по которому выполнено издание В. И. Буганова, *de(u)*₁ употребляется в соответствии с условиями, прокомментированными в примере (15). Кроме того, приведённый ниже пример (20а) показывает, что *de(u)*₁ в этом источнике заменялась принципиально многими энклитиками (в частности *бо*), поэтому есть основания говорить не только о незнании функционирования *de(u)*₁, но и о стратегии замещения книжных клитик нейтральными или книжными (ср. также замещение простого прошедшего времени имперфектом и другие стратегии, направленные на архаизацию текста).

¹² Как и в новгородских берестяных и пергаменных грамотах, в псковской деловой письменности эвиденциальная частица *de(u)* практически не отражается. Чаще всего её употребление связано с цитированием третьего источника, ср. пример (25).

¹³ В XV—XVII вв. формой конъюнктива выражались директивные речевые акты, возможно, гонорификативные. Конъюнктив в оптативном значении практически всегда выступал при передаче чужих директивных актов, часто заменяя императив в авторской речи. Можно даже сказать, что, согласно типологии А. Ю. Айхенвальд [Aikhenvald 2006: 106—111; 276—279], мы здесь имеем дело с эвиденциальной стратегией.

і тои деі садор. | њчинитца с вашее стороны а не ѿ нас. 14.10.1590, Письмо псковского наместника Василия Шуйского рижанам о товарах псковича Андрея Васильева, задержанных в Риге, с требованием их возврата владельцу [А 1303/78].

Предикат «ѡпустили бы» свидетельствует о том, что и первый предикат, видимо, должен был быть выражен конъюнктивом, но вместо этого была использована частица $de(u)_1$. Во втором случае перед нами частица в функции $de(u)_2$. Иногда встречается контаминация частиц *бы* и $de(u)_1$:

(22) і вы б тотъ грабежные живот гдря ншго его цръского величества псковитин торго|вых людеи спирка да михѣика велѣли имъ отдати деі | сполна и ѡпѡстили их нам во псков без са|держаня. 16.04.1608, Письмо псковского наместника Петра Никитича Шереметева рижанам о псковичах Сенке Наумове и Иевке, которые приедут в Ригу для торговых дел и взыскания долгов, с просьбой не чинить препятствий их возвращению во Псков [А 1300/48].

Таким образом, в XVII в. сфера употребления частицы $de(u)_1$ сводится, за редким исключением, к двум случаям. Во-первых, частица используется при рассказе о судебных процессах и цитировании юридических документов, т. е. для пересказа некоего *свидетельства*. Нетрудно заметить, что это и есть традиционная сфера употребления $de(u)_1$: так, пример (13) — сопроводительное письмо в суд, (14) — извещение о княжеском приговоре, (17) и (18) — показания свидетелей. Ср. следующий пример из делового письма, в котором описывается суд над крестьянкой:

(23) а что ты гсдрь говорил мнѣ о жонке и тое | я жонку сыскал и говорил ей довольно и она клят|вою вликою кледа себя что де ей ей¹⁴ не знаю | и того ничего не дѣловала. 29.12.1699, От неизвестного лица (приказчика) Клементию Прокофьевичу Калмыкову [Котков 1969: 219—220 (№ 377)].

Показательно, что в [НКРЯ] последний пример с такой функцией $de(u)_1$ зафиксирован в 1735 г. в протоколе заявления В. В. Киприянова по поводу его имущества в коллегии Сената (см. следующий пример), а более поздние тексты отражают значения $de(u)_1$, о которых речь пойдет ниже¹⁵:

¹⁴ Частица, сопровождавшая принесение клятвы на суде, ср. в современном русском языке *ей-Богу*.

¹⁵ Вероятно, частица $de(u)_1$ в этом значении употреблялась по меньшей мере до конца XVIII в., ср.: Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убоясь бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолуция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиньями, да не попрут его ногами» (Д. И. Фонвизин, Недоросль, 1782, цит. по НКРЯ).

(24) Октября 18 дня Василий Киприянов к прежней своей скаске в пополнение сказал, в поставленные де ево Киприянова у компанейщика Ивана Веселовского с пожитками дву сундуках что чего положено росписи неимеетца, понеже де в прошлом 1733 году в небытность ево Киприянова в Москве, как он был в Санкт Петербурхе, подполковник Тимофей Тарбеев жену ево из двора безвременно выбил, и тогда жена ево забрав все пожитки и положила во оные два сундука поставила в доме ко оному Веселовскому, а росписей тем пожиткам учинить за скоростью и в те сундуки положить было невозможно, а ныне он Киприянов что во оных сундуках каких пожитков положено справясь со оною женою своею предъявит реэстром, что она может упомнит(ь), а в сундуках статского советника Ивана Кирилова пожиткам росписи есть ли того Киприянов неведает (*Выписки из дел канцелярии Сената об имуществе В. В. Киприянова, 1735, цит. по НКРЯ*).

Наряду с этой, основной, семантикой $de(u)_1$, в деловой письменности XVII в. присутствует и другое значение частицы — цитирование из другого источника, например письма третьего лица, т. е. введения *другой перспективы*, ср. подобное употребление в примерах (15) и (16):

(25) пишет с Саратова Семен Гаврилов струг де с виномь | сазимовал выше Саратова о Л верстах и вино де убрали |. 07.12. (конец XVII в.), *От приказчика Петра Окулова Клементию Прокофьевичу Калмыкову* [Котков 1969: 239 (№ 402)].

В этих случаях, однако, частица $de(u)_1$ употреблялась менее регулярно, чем в юридических контекстах. Интересно отметить, что на протяжении всего XVIII в. частицу $de(u)_1$ в этой функции можно встретить в деловой письменности именно периферийных канцелярий (ср. пример (16) из Нижнего Тагила), в документах, написанных от имени служащих, часто ими самими.

В письмах Никиты Никитича Демидова (1728—1804), в которых он распекает нерадивых и вороватых управляющих его заводами в Касли и Нижнем Тагиле, $de(u)_1$ используется для выражения подчёркнутого несогласия с их действиями¹⁶:

(26) а што ко удивлению мараитя што караванныя | вчерась де к вамь приехали, и отвечать на оное мое | с ними письмо ко мне не успели, а будитя на оное впредь писать не стыдно ли вамь каналии стень | такь плюхать и продолжать, ибо к тому *ж* письмо | мое с ними было к вамь невелико. [...] впредь так отнюд не шалить не продолжать и не боярить и крепко продолжения всякого | боятца, и на сей пункт писать ко мне. 21.12.1788, *От Никиты Никитича Демидова*

¹⁶ Ср. данную В. А. Плунгяном [2008: 303] оценку *де* как «наиболее полемической частицы» русского языка.

дова караванным Тихану Блинову, Герасиму Тимофееву и Михаиле Блинову, приказчикам Никифору и Прохору Блиновым, Ивану Себрякову и Якиму Аврамову, конторщику Алферову и служащим Щелегову и Егорову [Глинкина 2000: 83—93 (№ 12)].

Возможно, для усиления язвительности Н. Н. Демидов подражает языку своих приказчиков — такую функцию эвиденциальных частиц отмечает Т. Дайбер [Daiber 2010: 72]. В общем и целом данная В. А. Плунгян оценка функции *de* как «иронического комментария» [Плунгян 2008: 302] для синхронного материала вполне соответствует значению, зафиксированному в настоящем контексте.

Примечательно, что употребление *de(u)*₁ в этом значении является любимым именно в сатирических сочинениях XVIII в., ср. начало полемического очерка Н. И. Новикова, где при помощи частицы *de(u)*₁ передается точка зрения Екатерины II, его оппонента:

- (27) Намнясь при мне один такой придворный не господин, да еще господчик, говорил о вашем «Трутне» весьма пристрасно; надлежит сказать, что он имеет доброе сердце, но некоторая слабость им очень сильно владеет, почему он говорит и делает только то, что связано с выгодами его слабости. Сей господчик говорил следующее: «Не в свои-де этот автор садится сани. Он-де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость не что иное есть, как дерзновение [...]» (Н. И. Новиков, *Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г.*, цит. по НКРЯ).

По всей видимости, употребление частицы *de(u)*₁ в этом жанре повлияло на закрепление её преимущественно в публицистике [Арутюнова 2000: 449] в качестве «наиболее полемической» [Плунгян 2008: 303].

К началу XVIII в. частица *de(u)*₁ покидает центральные канцелярии (Москва, Санкт-Петербург) и уходит на периферию. Это было обусловлено необязательностью её употребления для отделения чужой речи от авторской уже в XVII в., а также её узкой семантической специализацией для двух групп контекстов — во-первых, для цитирования текстов юридического содержания или описания судебных процессов, а во-вторых, для маркирования высказываний третьего лица. По всей видимости, сначала частица *de(u)*₁ становится социальным, а затем и прагматическим маркером, и её исходная грамматическая семантика — указание на чужое высказывание — абстрагируется, превращаясь в указание на чужую точку зрения, с которой полемизирует автор.

4. Конкурирующие эвиденциальные частицы

Начиная с XVII в. в деловой письменности появляются частицы, которые составляют конкуренцию частице *de(u)*₁ в разных значениях. Для ука-

зания на высказывания третьего лица спорадически употребляются частицы *скат* [Kretschmer 1998: 145] и *рече* [Зализняк 2008: 44—45].

Однако наиболее заметную роль играла частица *якобы*, которая употреблялась для выражения несогласия с автором цитируемого высказывания. По словам Б. Вимера, опирающегося на соображения В. А. Плуногяна [Вимер 2008: 364], частица *якобы* была заимствована из польского языка, о чём свидетельствует, в частности, время появления первых известных мне примеров — конец XVII в., а также параллельное развитие семантики русского *якобы* и польского *jakoby* [Там же: 363—366]. Согласно другой версии, которую высказывает А. И. Молотков [1962: 188—190], частица *якобы* была заимствована из текстов, написанных на ц.-сл. языке русского извода. Следует отметить, однако, что в этих текстах представлен именно *jako recitativum*, поэтому концепция А. И. Молоткова, а также обсуждаемая Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 126] генетическая связь *jako recitativum* с *якобы* не кажутся обоснованными. Тем не менее несомненно, что значения *jako recitativum*, русского *якобы* и польского *jakoby* смыкаются (ср. у Б. Вимера [2008: 365—366] и Р. Перельмуттер [Там же]), поскольку все три маркера обладают семантикой недоверия высказываниям адресата¹⁷. Это указывает на очень древнее развитие модальной семантики у *j*-релятиватора, которое, судя по этим данным, можно датировать периодом славянской языковой общности.

Наблюдения над употреблением *де* и *якобы* в деловой письменности конца XVII—XVIII вв. показали, что в центральных канцеляриях, а также в документах социально значимых авторов предпочтение отдаётся частице *якобы*, тогда как частица *де(u)*, присутствовала в периферийных канцеляриях и в текстах авторов, занимавших более низкое положение в социальной иерархии. Ср. следующий пример из письма заводчика Н. Н. Демидова с примером (16), авторами которого являются его приказчики:

- (28) да много и премного я удивляюсь, што на ка|слях *от* служителии заводских вышель споръ на : 506 *ру.*, которыя | на себе столко не почитают, то Есть меньше на себе читают | денег оною суммою должны якобы были или находились | а вы онымъ числом денег : 506 *ру.*, каких болше прочитаите | то об оныхъ денгахъ в сущую правду и точно по Еванге|лской заповеди какъ пред богомъ на страшном суде явитца | не зазорно и стат можно, писат вамъ всемъ ко мне съ ясностию |. 06.05.1787, *От Никиты Никитича Демидова его приказчикам Никифору Блинову, Ивану Серебрякову,*

¹⁷ В этой связи ср. также союзное слово *как*, которое употреблялось для введения чужого высказывания (см. с. 122 и примеч. 7), что, вероятно, также является исходным значением *яко* как релятиватора. Примечательно, что оно образовало сращение *как будто* — частый пример плеоназма эвиденциальных маркеров, ср. [Плуногян 2008: 295—296].

Якиму Аврамову, конторщику Алферову и служителю Щелегову [Глинкина 2000: 82 (№ 11)].

В этом примере Никита Никитич выражает явное недоверие тому, что сообщают ему его приказчики. Кроме того, как справедливо отмечает вслед за Е. В. Рахилиной В. А. Плунгян [2008: 304], принципиальное отличие *якобы* от других эвиденциальных частиц заключается в том, что «*якобы* связано не с интерпретацией текста, а с интерпретацией фактов» (курсив и разрядка автора).

Резко полемическая семантика частицы *якобы* показана в следующем примере, в котором Н. Н. Демидов выражает негодование по поводу невыгодно купленного и вовремя не распроданного хлеба, а более всего — расторопности приказчиков:

- (29) а што хлеб в магазезях говоритя якобы без убыткѣ | намъ будетъ от лежанья да разве вы забыли по| чему онои куплень и обошолся; и по чему ныне ценою | вольной продають не в пример дешевле набранного | в магазейны. 24.12.1786, *От Никиты Никитича Демидова его приказчикам Никифору Блинову, Ивану Серебрякову и Якиму Аврамову* [Глинкина 2000: 58—72 (№ 7)].

И в примере (28), и в примере (29) имеет место опровержение истинности некоего высказывания. Это значение частицы *якобы* является крайне устойчивым: его наблюдает для *jako recitativum* в др.-р. языке Р. Перельмуттер [Perelmutter 2009: 114—115 и 117], в современном русском языке — В. А. Плунгян [2008: 304—305] и Б. Вимер [2008: 364 и 370], в польском языке — Б. Вимер [Там же: 365].

Единственное найденное нами употребление *якобы* в письме приказчика обусловлено ошибкой, которую он заметил в предыдущем письме и подкрепил своё наблюдение фактами:

- (30) Писмо вшего бл̄городия ѿпущенное с ниж|нотагилских заводов, якобы ѿт . 17.. ѡктяб|ря, і сие знатно мирон ѡписался їбо | того числа изволили еще здѣсь быт, / | ка нижайший полѣчил «20» въ .1.м часу | пополѣдни. 21.10.1737, *Репорт с регистром фабричных рабочих управляющего нижнетагильскими заводами Стефана Егорова Акинфею Никитичу Демидову* [РГАДА: 1267-1-608, 2 л.].

В этом примере, однако, не выражено принципиальное несогласие, недовольство или осуждение чужого поведения, как в примерах (28) и (29), — здесь имеет место только констатация факта неверной датировки и нейтральное несогласие с ним, поскольку этот факт не соответствует объективной действительности.

Частица *якобы* широко употреблялась и в книжных текстах, преимущественно относившихся к высокому стилю, ср.:

- (31) Алаус и Олаус, король норвежский, чтоб от русских святости ради почитан, того русские не упоминают, но для него другого закона и

быть не могло. О нем у римлян на польском языке в житии написано, якобы тело его невреждено лежит, но я сам в Упсале видел голые кости и некоторые в руки брал. Сей обман целостию тел для народа у римлян довольно известен (*В. Н. Татищев, История Российской. Гл. 13—18 (1739—1750), цит. по НКРЯ*).

В подавляющем большинстве найденных в НКРЯ примеров, где *якобы* употребляется в целях выражения сомнения в истинности высказывания, дополнительно присутствует открытое указание на его ложность, выраженное в данном случае фразой *сей обман*. Мера эксплицитности этих доказывающих правоту автора фраз может быть разной (ср. примеры (28)—(29) и (30)—(31))¹⁸.

Интересные факты более древнего употребления эвиденциальных частиц находим в письменности Княжества Литовского, где они использовались, в отличие от Московской Руси, спорадически и были заимствованы из разных языков, т. е. здесь в общем и целом сохранился способ передачи чужой речи, проиллюстрированный в примере (13). Наряду с *de(u)*₁, тексты полоцкой канцелярии отражают *рекомо* (из ст.-польск., ср. современное польское *rzekoto*) и *прав* (из ст.-чешск., ср. современное чешское *prý*), ср.:

(32) И вы истца отслали к великому кн(я)зю, а | онъ вам казал, што бы рекомо взято оу нег(о) 30 бочек ви|на, ино то неправда, вziali оу него 18 бочек вина а 5 | бочек меду; а четырь бочки полишил в Полоцку вина, а | (с) собою свезль двѣ боцѣ вина на низъ. [РГАДА: 1267-1-608, 2 л.], 1441—1444, *Грамота наместника полоцкого Ивана Гойцевича рижскому городскому совету с требованием вернуть полоцкие товары, захваченные рижанами* [РГАДА: 1267-1-608, 2 л.].

(33) А ваш немъчинь | молвил то слово правъ Чернато, не колупаи ты | того слишка, б(о)гъ дасть, какъ а съеду на низъ, | и а тобѣ оузошлю тотъ слишокъ воску поль|девата пуду. 1436—1437, *Грамота наместника полоцкого Василия Дмитриевича Корсака рижскому городскому совету о решении по делу полочанина Черняты и его должника рижанина Александра* [Хорошкевич 1977, 133 (№ 52)].

В приведённых здесь примерах эвиденциальные частицы также употребляются для выражения несогласия с высказыванием цитируемого лица: в примере (32) оно открыто выражено словами *ино то неправда*; также и в примере (33) выясняется, что обещание, данное Черняте, рижанин

¹⁸ Значением, близким *якобы*, обладала частица *будто*, ср.: Мне очень здесь скучно, хотя вы и думать прежде изволили, будто я провожаю здесь жизнь мою в веселье (*Д. И. Фонвизин, К родным, 1763—1774, цит. по НКРЯ*). Она употреблялась значительно реже, чем *якобы*, для опровержения слухов и домыслов (ср. [Вимер 2008: 353]), спорадически — для опровержения высказываний и фактов (в архическом употреблении).

не выполнил. Несмотря на то, что найденные примеры XV в. единичны, они позволяют судить о том, что выражение модальных значений при помощи частиц имело место в средневековых текстах, однако в их употреблении наблюдались региональные различия.

Рассмотренные в настоящем разделе частицы обладали разными прагматическими характеристиками, по крайней мере в отношении их базовой семантики. Так, для центрального значения частицы *де(и)₁* — передачи текстов юридического содержания — другие частицы в Москве не использовались¹⁹. То же самое можно сказать о семантике *якобы* как частицы, употреблявшейся для выражения несогласия с приведёнными фактами. Частица *будто* употреблялась в основном для опровержения домыслов и слухов. В то же время для передачи слов третьего лица могли использоваться частицы *де(и)₁*, *скат* и *рече* — видимо, в этом значении они могли свободно варьироваться, однако и употребление их в этом случае было необязательным. Можно заключить, что это значение эвиденциальных частиц уже в XVII в. воспринималось как архаичное (ср. у В. А. Плунгяна [2008: 309]) и отодвигалось на периферию, тогда как центральными становились специфические модальные значения, развиваемые цитативными частицами.

5. Некоторые выводы

Подводя итоги развития эвиденциальной частицы *де(и)*, важно отметить, что она обладала разными функциональными и просодическими характеристиками в ст.-сл. и др.-р. языке, а также в восточнославянских диалектах. Её эвиденциальная функция отмечена нами только в др.-р. и ст.-р. языке, причём регулярно только в московской и ориентировавшихся на неё канцеляриях, где она прошла путь от глагольной ренарративной частицы до маркера чужой речи в бессоюзных сложных предложениях. Уже к концу XVII в. употребление частицы *де* вызывало сложности у носителей языка. Именно тот факт, что частица *де(и)₁* как маркер чужой речи в бессоюзных сложных предложениях в конкуренции с союзными придаточными предложениями была востребована всё меньше и меньше, предопределил её угасание в качестве синтаксического маркера. Кроме того, *де(и)₁* в этой функции могла замещаться другими эвиденциальными частицами. Частица *де(и)₁* активно употреблялась лишь в своей прототипической функции — при цитировании юридических документов или в рассказе о судебных процессах.

¹⁹ Ср. примеры (30) и (31), в которых в юридическом дискурсе употребляются другие частицы. Здесь, однако, на первый план выходит именно семантика несогласия с цитируемым высказыванием. Кроме того, данные контексты имеют иную региональную атрибуцию.

С конца XVII в. (т. е. намного раньше, чем указывает В. А. Плунгян [2008: 308]) у частицы *de(u)*₁ развивается модальная семантика: она начинает использоваться для релятивации цитируемого *высказывания* как ложного — в значении, которое сохраняется у неё и по сей день (ср. у В. А. Плунгяна [2008: 302—303]). В этом значении она традиционно употребляется в публицистике с сер. XVIII в. Несколько иной семантикой обладала появившаяся в то же время частица *якобы* — с её помощью выражалось недоверие к высказанным *фактам* с разной степенью эксплицитности окружающего контекста. Она имела характер книжной и широко употреблялась для выражения критики. Посредством частицы *будто* опровергалась истинность *слухов* и *домыслов*.

Примечательно, что в письменности Княжества Литовского отмечены примеры использования эвиденциальных частиц для оценки высказывания с точки зрения истинности уже в XV в. Однако их явно недостаточно для того, чтобы делать выводы относительно актуальности модальных функций у эвиденциальных частиц в XV в. Возможно, в приведённых примерах фиксируются заимствованные частицы именно потому, что «проста мова» не обладала аналогичными частицами для выражения недоверия высказываниям или фактам. То же заключение напрашивается и относительно частицы *якобы*, если верна гипотеза о её заимствовании из польского языка.

Рассмотренные нами примеры указывают также на социолингвистические различия употребления частиц. Если частица *de(u)*₁ в XVIII в. по большей части употреблялась в провинциальных канцеляриях, текстах служащих и низком штиле, то *якобы* — в основном в центральных канцеляриях, в текстах более социально значимых авторов, а также в высоком или среднем штиле, т. е. была явно более престижной. Кроме того, семантика частицы *якобы*, при помощи которой выражалась критика и давалась негативная оценка изложенным фактам, обусловила её предпочтение в текстах социально значимых актантов.

Итак, частицы *de(u)*₁, *якобы* и *будто* развили значение несогласия с воспроизводимым высказыванием с разной семантической окраской. В приведённой ниже таблице указаны четыре признака, три из которых (за исключением штиля), на мой взгляд, являются существенными и в современном их употреблении.

Наиболее размытой семантикой обладает частица *будто*, опровергающая наиболее размытые, эфемерные пропозиции, которые не являются частью объективной действительности.

Моё последнее замечание касается развития семантики *de(u)*₁. Б. Вимер [2008] предложил модель развития модальных значений у эвиденциальных частиц исходя из системных данных, этой модели соответствует и процесс реанализа, прослеженный в рамках данной статьи. Однако хотелось бы обратить внимание также на идею проецирования чужого высказывания, присущую в большей или меньшей степени всем эвиденциальным частицам. На примере *de(u)*₁ удалось проследить переход от маркирования

Таблица 1

Жанровая и прагматическая характеристика эвиденциальных частиц с модальными значениями в конце XVII—XVIII в.²⁰

Частица \ Признак	Предмет несогласия	Штиль	Жанр текста	Речевой жанр
де(и)₁	высказывания	низкий	публицистика	полемика
якобы	факты	высокий/ средний	наука/ публицистика/ деловая корреспонденция	критика
будто	слухи, домыслы*	низкий*	частная корреспонденция*	опровержение

дейктической перспективы другого актанта (особенно при их смене) к указанию на чужую точку зрения (*мнение*), на свою дистанцию по отношению к которой автор высказывания стремится обратить внимание. Возможно, неким реликтом исходного значения является частица *de(u)₂*, которая, как представляется, обладает дейктической функцией при тематическом членении нарратива.

Сокращения

др.-р.	древнерусский
и.-е.	индоевропейский
ст.-польск.	старопольский
ст.-р.	старорусский
ст.-сл.	старославянский
ст.-чешск.	старочешский
хет.	хеттский
ц.-сл.	церковнославянский

Литература и источники

- А — Латвийский исторический архив (Рига, Латвия), А 1303/78; А 1300/48.
 АИ I—V — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—5. СПб., 1841—1842.
 Аникин 1998 — А. Е. А н и к и н. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Мат-лы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (*а- — *go-). Новосибирск, 1998.

²⁰ Астериском отмечены те факторы, которые представляют собой тенденцию, а не норму.

Арутюнова и др. 1992 — Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. А. Кибрик. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Арутюнова 2000 — Н. Д. Арутюнова. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 437—453.

Буганов 1968 — Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. / Под ред. В. И. Буганова, Б. А. Рыбакова. М., 1968.

Вимер 2008 — Б. Вимер. Показатели с цитативной и инферентивной функциями в русском и польском языках — коммуникативные механизмы семантического сдвига // *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 72) / В. Wiemer, V. A. Plungjan (eds.) München; Wien, 2008. S. 335—375.

Глинкина 2000 — Л. А. Глинкина. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. 1. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. Челябинск, 2000.

Дыбо 1982 — В. А. Дыбо. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (Материалы к реконструкции) // Балто-славянские исследования. М., 1982. С. 3—67.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Иванов 1981 — В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.

Котков 1969 — С. И. Котков. Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969.

Котков 1974 — С. И. Котков. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

Манаенкова 1989 — А. Ф. Манаенкова. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск, 1989.

Молотков 1962 — А. И. Молотков. Особые синтаксические конструкции передачи чужой речи в древнерусском языке // Исследования по грамматике русского языка III. Учёные записки ЛГУ. № 302. Серия филологических наук. Вып. 61. Л., 1962. С. 162—192.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка, www.ruscorgo.ru (последний просмотр 15.04.2011).

Обнорский, Бархударов 1952 — С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 1. М., 1952.

Отин 1981 — Е. С. Отин. К этимологии одного славянского глагола речи (в связи с историей частицы *де*) // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IX / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1981. С. 142—166.

Плунгян 2008 — В. А. Плунгян. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 72 / В. Wiemer, V. A. Plungjan (eds.): München; Wien, 2008. S. 285—311.

РГАДА — РГАДА, ф. 1267 («Демидовы»), оп. 1, д. 608.

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5-ці т. Т. 2. Д—Л. Мінск, 1980.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1. (А—Дрожжанник). СПб., 1994.

СРНГ 1972/7 — Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Гона—депеть. Л., 1972.

Срезневский 1893 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893.

Хорошкевич 1977—1981 — А. Л. Хорошкевич. Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977—1981.

Цейтлин и др. 1999 — Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Е. Благова. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). 2-е изд. М., 1999.

Фасмер 1964 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964.

Aikhenvald 2006 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford. 2006.

Collins 2001 — D. E. Collins. Reanimated voices: speech reporting in a historical-pragmatic perspective. Amsterdam; Philadelphia, 2001.

Daiber 2009 — Th. Daiber. Direkte Rede im Russisch-Kirchenslavischen. Zum pragmatischen Wert des *jako recitativum* // Text — Sprache — Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher / J. Besters-Dilger, A. Rabus (eds.). München; Berlin, 2009. S. 363—386. (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 39.)

Daiber 2010 — Th. Daiber. Quotativmarker im Russischen (*munо/muna*). Zeitschrift für Slawistik 55/1. 2010. 69—89.

Denniston 1971 — J. D. Denniston. The Greek Particles. Oxford, 1971.

Kretschmer 1998 — A. Kretschmer. Zur Geschichte des SchriftRussischen. Privatkorrespondenz des 17. und 18. Jahrhunderts. München. 1998.

Machek 1968 — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Perelmutter 2009 — R. Perelmutter. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in the Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics 10/1. 2009. 108—131.

Rix 2001 — H. Rix. Lexikon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. — 2., erw. und verbesserte Auflage. Wiesbaden, 2001.

Večerka et col. 1996 — R. Večerka et col. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. III. Die Satztypen: Der einfache Satz. Freiburg i. Br. 1996. (Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris XXXVI (XXVII, 3)).

Večerka et col. 2002 — R. Večerka et col. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. IV. Die Satztypen: Der zusammengesetzte Satz. Freiburg i. Br. 2002. (Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris LXVI (XXVII, 4)).

Wiemer 2008 — B. Wiemer. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen / B. Wiemer, V. A. Plungjan (eds.): Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 72. München; Wien, 2008. S. 5—50.

M. LAZAR

EVIDENTIAL PARTICLE *DE(I)* AND OTHER EVIDENTIAL PARTICLES IN THE HISTORY OF RUSSIAN

This article focuses on the emergence and use of the evidential particle *de(i)* in the history of Russian. In Old and Middle Russian *de(i)* was used as a quotative clitic, which was initially an adverbial marker of another's perspective and later marked the other's ut-

terances in asyndetic constructions, where, however, it became non-obligatory. Traditionally, the particle was used for quoting juridical documents or retelling court proceedings, and it was current from the 15th until the end of the 18th century. From the end of the 17th century the particle *de(i)* acquired modal semantics, and in parallel with the particles *jakoby* and *budto* expressed disapproval of the quoted opponent and, in particular, of his utterances. This usage of *de(i)* was especially characteristic of journalistic texts of the 18th century, and this is still the main domain of its usage in Modern Russian. Thus, the semantics of the particle *de(i)* developed from the neutral quotation of another's utterances to the polemical marking of the other's point of view. The non-obligatory usage of the particle to distinguish the utterances of self vs. other was a prerequisite for the development of this modal meaning.

Keywords: evidentiality, epistemic modality, clitics, reanalysis, genres, Middle Russian.